

Секция «Современные социальные трансформации: факторы, условия, результаты»

Социальная память о политических репрессиях в Республике Мордовия: в контексте социологического исследования

Научный руководитель – Богатова Ольга Анатольевна

Рябова Екатерина Юрьевна

Студент (магистр)

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Историко-социологический институт, Саранск, Россия

E-mail: ryabova.katerinka@bk.ru

В XXI веке в социологии особое значение приобрела социальная память как предмет исследований. И это не случайно, поскольку социальная память, по своему существу, является уникальным феноменом человеческой жизни, аккумулирующим в себе систему образов относительно прошлого и являющимся фундаментом идентичности представителей социума, объединяющим их жизненный путь и способы осмысления прошлого, настоящего и будущего. Социальная память фиксирует социально значимые события и фрагменты прошлого и актуализирует их в настоящем [4, с. 135].

Сам феномен «социальная память» в социологии появился не так давно - в XX веке и связан он с именем представителя французской школы социологии - М. Хальбваксом. Исследователь впервые обратил внимание на то, что в определенный временной промежуток индивиды могут вести себя «просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [5, с. 138].

Однако социальная память не состоит только из совокупности памяти индивидов, которые проживают в конкретном социуме. Это понятие более глобально и его можно трактовать в качестве особого механизма сохранения и трансляции информационного потока во времени и пространстве. В социальной памяти собрана сумма идейных представлений, личных позиций и восприятия дифференцированных исторических событий как социума в целом, так и в разрезе его представителей по социально-демографическому, этническому признакам и т.п. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что различные события истории и их последствия осмысливаются, анализируются, оцениваются по-разному, что представляет научный интерес для исследований [2, с. 163].

Например, обратимся к такому важному и судьбоносному историческому событию, как раскулачивание, печальным последствием которого стали массовые политические репрессии, «захватившие» Россию и Республику Мордовию в XX в.

На наш взгляд, социологическое исследование конструкторов социальной памяти о политических репрессиях на региональном уровне имеет не только научное значение в плане осмысления истории советского государства и его репрессивной политики, но и практическую значимость, с точки зрения процесса социализации и формирования гражданской позиции.

Обратимся к историческим подробностям данного события. Репрессивная деятельность в начале XX века была связана с политикой коллективизации и раскулачивания, т.е. в ней есть политическая составляющая. Проводимые мероприятия имели массовый характер, были направлены на различные слои населения.

Политические репрессии связаны с продвижением командно-административной системы во всей нашей стране. К концу 1920-х годов Республика Мордовия все также являлась регионом с аграрной составляющей, что оказало влияние на проводимую на ее территории

коллективизации. Реализуемые мероприятия негативно отразились на жизни населения, которое активно выступало против данного политического курса,

В результате курса на раскулачивание в конце 20-х годов XX века сначала ликвидировали целый класс населения - кулаков, а также сильные изменения претерпела деревня, были созданы колхозы как структурное образование для ее жителей, где все были уравнены между собой.

Пострадавших в ходе данного политического курса от репрессий на территории Республики Мордовия было достаточно много, об этом свидетельствуют следующие данные.

Согласно сведениям Прокуратуры РМ, реабилитационные мероприятия, направленные на пострадавших от политических репрессий, показали наличие 9 310 репрессированных, из них 8 030 мужчин (86,2 %) и 1 280 женщин (13,8 %).

Если брать в расчет семьи пострадавших, то общее количество увеличивается до 27930 человек (2,3 %)[3].

Можно сделать вывод, что политические репрессии данного исторического периода в большой степени коснулись проживающих на территории Республики Мордовия.

Социальная травма как феномен в социологической науке конструируется в контексте определения «носителем травм» определенной социальной ситуации как травмирующей и легитимации этого определения широкими слоями общества.

В отношении репрессированных это проецируется так, что посредством конструкта социальной памяти о жертвах политических репрессий на центральный план ставится травма с социальной точки зрения и ее зависимость от определенных событий истории (политических репрессий).

Жертвы политических репрессий аккумулируются в памяти под воздействием исторических воспоминаний, что поставило образ жертвы в поле субъектности, иными словами, концепт жертвы самоидентифицируется.

Также прослеживаются фигурно-символические знаки, в которых проявляется жертвенная саморефлексия, впоследствии на общественном уровне она стала нормальным явлением.

Согласно приведенным выше статистическим данным, масштабы политических репрессий были велики и коснулись множества людей, а чем шире масштабы того или иного события в истории, тем велика вероятность его отражения в социальной памяти не просто как «сопутствующего», проходящего события, а как значимого биографического фактора, который оказал влияние на стратегию жизни современного поколения[1, с. 49].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно заключить, что на сегодняшний день тема включения проблематики социальной памяти и связанных с ней конструктов в практику современных эмпирических социологических исследований актуальна.

Благодаря качественному социологическому исследованию можно собрать обширный эмпирический материал, позволяющий реконструировать историю политических репрессий и изучить влияние данных травмирующих исторических событий на поведение, стратегии и жизненные адаптивные практики жителей Мордовии.

Источники и литература

- 1) Алексеев А. А. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза влияния семейной памяти на мировосприятие) / А. А. Алексеев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2008. – № 5. – С. 49-50.
- 2) Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход / Т. П. Емельянова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.

- 3) Меркушин А. В. Политические репрессии 1934 – 1938 гг. на территории Мордовской АССР / А. В. Меркушин, Е. М. Егорова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/pdf/252430.pdf>
- 4) Мокроусова Е. А. Социальная память: образы прошлого в настоящем / Е. А. Мокроусова // Вестник ТГУ. – 2016. – № 5. – С. 134-137.
- 5) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.